

НОВИКОВ М. Г. — в МПКК

НОВИКОВ Михаил Гаврилович, родился в 1868 в Воронеже. Окончил кадетский корпус, служил обер-офицером в Скопинском резервном полку в Воронеже, с 1908 — заведующим обмундированием в кадетском корпусе в чине капитана. Женат, в семье — две дочери. С марта 1918 — служил в рабочем батальоне РККА, тяжело заболел и после демобилизации работал в Воронежском отделении Госконтроля. 13 июля 1919 — при приближении белоказаков к городу арестован как заложник, 22 июля доставлен в Москву и заключен в Покровский концлагерь. В декабре 1919 — просил помощи Московского Политического Красного Креста.

<10 декабря 1919>

«Я арестован 13 июля 1919 года перед наступлением казаков на г<ород> Воронеж. Следователем обвинения мне не предъявлено. При отправлении нашей партии № 2 арестованных из г<орода> Воронежа в г<ород> Москву нас разделили на категории, и я был причислен к 10-й категории. На нашу просьбу, обращенную к начальнику Воронежской тюрьмы, он ответил: «10-я категория означает: выселение из прифронтовой полосы, а там вас освободят».

22 июля 1919 г<ода> я прибыл с партией № 2 в г<ород> Москву в Покровский концентрационный лагерь принудительных работ, где нахожусь и по сие время. Вследствие перенесения всех невзгод, не чувствуя за собой вины, забота и боязнь за семью, которая была на моем иждивении, оставлена без всяких средств к жизни и испытывает голод, холод и нужду, слабое здоровье жены, потеря брата, доктора медицины Дмитрия Гавриловича Новикова, "от которого моя и семья имели единовременную материальную поддержку", но "он погиб на своем посту, при исполнении служебного долга 1½ месяца тому назад", будучи главным врачом Ивангородского военного госпиталя в г<ороде> Карачеве Орловской губернии, заразившись сыпным тифом, и на девятый день умер. Все перенесенные невзгоды и потеря единственного брата-друга так на меня подействовали, что я заболел неврастением в тяжелой форме, выразившейся в истерических рыданиях и обмороках, в чем могу предоставить удостоверение пользовавшего меня врача, и по сие время чувствую себя ужасно. Состояние моего здоровья совершенно расшатано, при расширении сердца и эмфиземе легких еще неврастения! Сообщая о вышеизложенном я покорнейше и убедительно прошу Политический Красный Крест походатайствовать, на основании декрета об амнистии, об освобождении меня из заключения. При сем присовокупляю, что это моя третья просьба, обращенная в Политический Красный Крест»¹.

В конце декабря 1919 — заведующий юридической комиссии Московского Политического Красного Креста обратился с заявлением в Коллегию по делам заложников.

<26 декабря 1919>

«В КОЛЛЕГИЮ ПО ДЕЛАМ ЗАЛОЖНИКОВ

13-го июля с<его> г<ода> арестован по ордеру Воронежской ЧК Михаил Гаврилович НОВИКОВ и ныне содержится под стражей в Покровском лагере, в качестве заложника.

В момент ареста арестованный служил в Воронежском Губернском

¹ ГАРФ. Ф. Р-8419 Оп. 1. Д. 226. С. 141. Автограф.

отделении Государственного контроля. В течение последних десяти лет до 1918 г<ода> служил в качестве заведующего обмундированием Воронежского Кадетского корпуса.

М. Г. Новикову — 55 лет. Он страдает расширением сердца, эмфиземой легких и крайне тяжелым состоянием нервной системы.

В виду всего изложенного, Политический Красный Крест просит применить к М. Г. Новикову амнистию и освободить его из-под стражи.

Юридическая Комиссия
Полит<ического> Красн<ого> Креста»².

27 января 1920 — Михаил Гаврилович Новиков был переведен во Владыкинский лагерь. В марте 1920 — вновь просил помощи Московского Политического Красного Креста.

<19 марта 1920>

«В Политический Красный Крест

заключенного Владыкинского
лагеря принуд<ительных> работ
Новикова Михаила Гавриловича

Заявление

Я арестован 13 июля 1919 г<ода> в г<ороде> Воронеже, Воронежской Губ<ернской> Чрез<вычайной> Комиссией отправлен в г<ород> Москву, где заключен в Покровский лагерь, в котором пробыл до 27 января 1920 г<ода>, а потом по престарелому возрасту (52 г<ода>) был переведен во Владыкинский лагерь, где нахожусь по сие время. Я бывший обер-офицер, свою службу провел в г<ороде> Воронеже, по воле начальства на разных строевых хозяйственных должностях в Скопинском резервном полку и в Воронеж<ском> Кадетском Корпусе на должности заведующего обмундированием до 1 марта 1918 года; вследствие чего я не участвовал ни в каких войнах. По расформировании Кадетского Корпуса, я поступил в Красную Армию на должность заведующего хоз<яйством> в 3 рабочий бат<альон> в г<ороде> Воронеже. После перенесенной мною болезни испанки с тяжелыми осложнениями я был признан Комиссией не годным к службе, а потом, как бывший обер-офицер, капитан, по предельному возрасту Военным Комиссариатом был уволен вовсе от военной службы и поступил в Губерн<ское> отделение Государственного Контроля, где и служил до дня моего ареста. Ни в г<ороде> Воронеже, ни в г<ороде> Москве никакого обвинения мне не предъявлено, а на запрос Коменданта лагеря, имеется ли у меня приговор и на какой срок осужден, Всероссийская Чрезвычайная Комиссия ответила: "Политически неблагонадежен, как бывший офицер".

Итак, с клеймом: "политически неблагонадежного" я невинно целый год сижу в заключении; между тем как прибывшие со мною вместе из Воронежа: князья, графы, генералы, помещики и все политически неблагонадежные офицеры, — давно уже освобождены; я же по какому-то необъяснимому недоразумению остался один не освобожден. Ни в каких заговорах, ни в каких контрреволюционных выступлениях я никогда не участвовал. Ни в каких союзах или партиях никогда не состоял и по своей скромной роли, которую я играл в старой армии, да и по своему престарелому возрасту 52 г<ода>, я не представляю из себя ни для какой власти и ни для кого ровно никакой опасности, а следовательно, не заслужил такого слишком тяжелого наказания: без следствия и суда

² С. 110. Машинопись.

просидеть невинно целый год в заключении, оторван от семьи (состоящей из жены и двух малолетних дочерей), живших на мое жалование и с моим арестом обреченных на голод и холод, что заставило мою жену, при ее слабом и расстроенном здоровье, бросить детей без присмотра, поступив на службу, дабы буквально не умереть с голода. Первое время еще была поддержка со стороны моего брата — главного врача Ивангородского военного госпиталя в г<ороде> Карачеве Орлов<ской> губ<ернии>, доктора медицины Дмитрия Гавриловича, но он в скором времени погиб на своем посту, заразившись сыпным тифом.

Все эти несчастья, обрушившиеся на меня: мое заключение, отчаянное положение моей семьи, смерть единственного брата-друга, тяжелые физические работы, постоянное недоедание, а иногда и форменная голодовка, — довели меня до ужасно тяжкого душевно-нравственного и физического состояния, в удостоверение чего представляю свидетельство пользующего меня врача.

Относясь всегда лояльно к Советской власти, я прошу Политический Красный Крест в ходатайстве — применить ко мне декрет об амнистии, чтобы я мог поступить на службу и принести посильную помощь Советской Республике, и возвратиться к своей голодающей и глубоко страдающей семье, к моим малолетним детям, с тоской отчаяния ждущих меня к себе, о которых и я измучился и исстрадался за целый год своего заключения. Я надеюсь, что Рабоче-крестьянское правительство окажет мне такую милость.

<подпись>

Июля 12 дня 1920 г<ода>.

Ст<анция> Владыкино

Москов<ской> окр<ужной> ж<елезной> д<ороги>.

Настоящее заявление, согласно резолюции коменданта, препровождается в Политический Красный Крест

Делопроизводитель

<подпись>

13 Июля 1920 г<ода>. № 2901»³.

³ С. 146. Автограф.